

— Сюн-фулан, вот сегодняшний товар, прошу принять, — сказал он.

Отец и сыновья из семьи Жуань — мастера, что ни на есть, первоклассные. Работают аккуратно, старательно, и за всё время сотрудничества ни разу не случилось, чтобы кто-то схалтурил или попытался сэкономить на качестве.

Тем не менее, Тан Шоу всё же при них выбрал наугад несколько штук и проверил.

— Дядя Жуань, всего-то несколько дней прошло, а у вас мастерство стало ещё выше. Сначала эти три иероглифа «Таохуаянь» были какими-то деревянными, а теперь, гляди-ка, в них уже видна некая твердость и изящество, что были в почерке самого Цзи-сюця.

Эти самые «Таохуаянь» отец Жуань заказал у учёного Цзи за два вэня — тот написал их в особом декоративном стиле, напоминающем каллиграфическое искусство будущих времён: резкие, выразительные линии, но без потери эстетики. Когда только начали вырезать, ни сам отец Жуань, ни его сыновья не знали грамоты, так что просто копировали, как получится — получались буквы без духа, одни лишь формы. Хотя Тан Шоу ничего не сказал, но для гордого отца Жуаня это было мучительно. Он днями и ночами упражнялся, и всего за несколько дней уже сумел передать в резьбе частицу подлинной живости.

— Это как и должно быть, — с улыбкой отозвался отец Жуань. — Коль взялись за дело, мы с сыновьями ни халтурить, ни мухлевать не станем.

Семья Жуань могла изготовить тридцать два изделия в день: сам отец Жуань успевал чуть больше — на два предмета. Это вовсе не потому, что сыновья были медлительнее или слабее, просто их работа отличалась особой тщательностью — они вырезали орнаменты и каллиграфические надписи. А это и есть самое трудоёмкое и требующее мастерства. Со временем, когда набьют руку, пойдёт быстрее.

— Вот, сто двадцать восемь вэнь — держите, — сказал Тан Шоу, пересчитав количество зубных щёток и коробочек, и тут же расплатился. Они с отцом Жуанем с самого начала договорились: расчёт ежедневный, в долг не работать.

— Спасибо, — поблагодарил отец Жуань, принял медяки, отсчитал из них два вэня и протянул принесённую с собой чашку. — Сюн-фулан, налейте-ка мне миску соевого масла. С утра мой внук твердит, что хочет чего-нибудь жирненького. Я вот немного с вас подзаработал, хочу купить масло да приготовить детям дома еду понасыщеннее.

Тан Шоу не стал отказываться от платы и не налил больше, чем следовало. Их отношения — деловые, построены на взаимной выгоде, и что положено, то и следует делать. Масло — вещь обыденная, в хозяйстве нужная, и если сегодня он даст его даром, то как быть завтра? Всё, что касается работы, — это работа: если отец Жуань старался и делал хорошо, Тан Шоу мог при расчёте добавить пару вэнь сверху, но вот так — в обход порядка — не делалось.

Отец Жуань думал так же. Раз Тан Шоу не стал отнекиваться, он и сам не ожидал поблажек.

Унося в руках чашку с маслом, отец Жуань обернулся и сказал:

— Сюн-фулан, завтра в это же время приду снова.

— Ладно, буду ждать, — отозвался Тан Шоу.

Проводив отца Жуаня, он протянул руку, чтобы поднять бамбуковую корзину, но стоило его белой ладони дотянуться до половины, как спереди появилась пара крепких медвежьих рук и подняла корзину раньше него. Это был Сюн Чжуаншань, всё это время молчаливо стоявший в стороне. Он не любил лишних разговоров и неохотно имел дело с посторонними. Обычно, когда деревенские приходили к ним за товаром, он только стоял в стороне, скрестив руки, и хмуро на них смотрел. Поначалу от его взгляда у людей выступал холодный пот. Но со временем все поняли: если не лезть к нему и не нарываться, он, кроме угрюмого взгляда, ничего не сделает. Постепенно привыкли, а теперь уже и вовсе не обращали внимания.

— Такая ерунда, не тяжело ведь, сам донесу, — сказал Тан Шоу.

— Я понесу, — коротко отозвался Сюн Чжуаншань.

Тан Шоу не стал с ним спорить, лишь последовал за ним в дом. Между ними не требовалось лишних слов — каждый без лишних указаний знал, что и как делать. Сюн Чжуаншань аккуратно выбрал из корзины коробочки и переложил в стоящую рядом пустую плетёную корзинку, а Тан Шоу достал три маленькие глиняные баночки с самим зубным порошком — в одних его было всего на донышке, в других — под завязку. Те, что были полные, содержали «Циньсинь» — самый дешёвый вариант, его и делали больше всего.

Теперь Тан Шоу маленькой ложечкой аккуратно вынимал порошок из баночек и раскладывал по соответствующим коробочкам.

На каждой коробочке было вырезано название зубного благовония. Хоть Тан Шоу и не знал иероглифов династии Юй, но названия, что постоянно использовались, он уже выучил и распознавал. Не только он — даже Сюн Чжуаншань, посматривая на надписи, мог сносно угадывать, что к чему.

Вдруг снаружи раздался стук — тум-тум-тум, — за которым прозвучал ясный юношеский голос:

— Простите, это дом Сюн-эрлана?

Тан Шоу и Сюн Чжуаншань переглянулись, глаза у обоих загорелись — восторг и волнение не скрывались. Деревенские так не спрашивают, значит, точно кто-то из столицы. Быстро сработали.

— Здесь дом Сюн-эрлана, — отозвался Тан Шоу, открывая дверь. За порогом стояли пятеро мужчин, но во главе — стройный и статный юноша с ясными чертами лица, одетый в темно-синюю одежду из тонкой ткани. Остальные — широкоплечие, крепкие, с суровыми выражениями лиц — сразу было видно, что это телохранители или, по крайней мере, люди, умеющие держать себя как охрана.

Раньше, ещё в прошлом мире, до того как он познакомился с Сюн Чжуаншанем, Тан Шоу, увидев такую компанию у своего порога, наверняка бы почувствовал тревогу. Но теперь, зная, на что способен Сюн Чжуаншань с его устрашающим присутствием, глядя на этих мужчин, Тан Шоу оставался абсолютно спокоен. Те — разве что дворовые коты, а вот Сюн Чжуаншань — настоящий разъярённый бурый медведь.

К тому же Тан Шоу уже догадался, зачем они пришли — наверняка по делу, с предложением о сделке. Тем не менее, на лице у него застыло притворное недоумение, и он с вежливым любопытством спросил:

— Не подскажите, господин, кто вы и зачем ищете моего мужа?

Юноша у ворот слегка склонил голову, дружелюбно улыбнулся:

— Вы, верно, Сюн-фулан? Я прибыл из столицы, из семьи Цзинь. Второй по счёту в роду, зовите меня просто Цзинь-эрлан. Услышал, будто бы у вас имеются зубные щётки и зубное благовоние, вот и пришёл купить.

— Ах, вот в чём дело! — оживлённо отозвался Тан Шоу. — Пожалуйста, проходите!

Семья Цзинь в столице была весьма известна — но лишь в торговом мире. Для такой отдалённой деревни, как Синьхуа, где слухи доносятся с запозданием и живут по-своему, имя этой семьи звучало не так громко, как, скажем, имя семьи Ван из городка Юйлинь.

Тан Шоу, будучи человеком из другого мира, и вовсе не догадывался о статусе гостя, приняв его за обычного купца, и вёл себя ещё более непринуждённо.

Цзинь Цзиньчэн, привыкший повсюду встречать подобострастие, на мгновение застыл в лёгком недоумении, но затем подумал, что в глухой деревне простолюдины могли попросту не знать о его семейном положении — и успокоился.

Закончив говорить, Тан Шоу отступил на полшага, распахнув ворота полностью, и Сюн Чжуаншань, до этого скрытый за створкой, предстал перед всеми во весь рост.

Испускаемая Сюн Чжуаншанем кровавая аура была не шуткой — присутствующих тут же пробрал холодный пот. У нескольких мужчин позади Цзинь Цзиньчэна ледяная дрожь пробежала от копчика до затылка, заставляя волосы вставать дыбом.

Раздался резкий звук — охранники Цзинь Цзиньчэна в унисон обнажили мечи, приняв оборонительную стойку.

Сюн Чжуаншань же даже бровью не повёл, будто и не заметил их.

— Это мой супруг, Сюн Чжуаншань. Раньше служил на войне, оттого от него веет боевым духом. Прошу прощения, если напугал вас, — пояснил Тан Шоу.

Цзинь Цзиньчэн взмахом руки велел охране убрать оружие.

— Это мне следует извиниться. Мои слуги повели себя неподобающе. Надеюсь, они не потревожили вас, господин Сюн-фулан?

— Пустяки, — с улыбкой отмахнулся Тан Шоу. — Я на своего мужа каждый день гляжу, уже иммунитет выработался. А ваши телохранители, прости уж, в сравнении с ним — прямо как наши овечки во дворе, что только и делают, что блеют да травку щиплют. Никакого страха не вызывают.

... Даже если это и правда, но говорить так в лицо?.. А его что, за человека не считают? И как же его охране теперь на людей смотреть? Цзинь Цзиньчэн, привыкший, что все повсюду угождают ему и семье, за всю жизнь ещё не сталкивался с таким прямолинейным пренебрежением. Губы его чуть дёрнулись, и, криво усмехнувшись, он выдавил из себя:

— Вот как...

Тан Шоу тем временем уже пригласил гостей в комнату. Там как раз стояло нужное количество стульев — новенькие, недавно сделанные руками Сюн Чжуаншаня. Он усадил гостей, а сам отлучился ненадолго и вернулся с несколькими зубными щётками и по одной коробочке каждого из трёх видов зубного порошка.

Как щётки, так и упаковки пудры были доработаны: на них по просьбе Тан Шоу мастер-гравёр вырезал изображение распустившейся персиковой ветви — благодаря чему изделия заиграли особым духом и красотой. Народ династии Юй в целом был малограмотен, а потому питал почти благоговейное почтение к письменности. Когда на предметах появлялись изящные резные иероглифы — изделия тут же воспринимались как нечто изысканное и благородное, сразу поднимались на новый уровень.

Цзинь Цзиньчэн, видя всё это, был по-настоящему поражён — не ожидал, что в доме Сюн прогрессируют так стремительно. В его глазах на миг промелькнула искренняя радость, но тут же исчезла, и он, сохраняя невозмутимость, проговорил:

— Я пришёл сюда не просто за несколькими зубными щётками и зубным благовонием. На самом деле, я намерен обсудить с вами одно крупное дело.

— Обсудить крупную сделку? — переспросил Тан Шоу.

Звучит красиво, но даже подумав пяткой, Тан Шоу уже догадался, что именно хочет Цзинь Цзиньчэн.

И точно — юноша продолжил:

— Почему бы вам не продать мне рецепты этих трёх видов зубного благовония? Назовите любую цену — как скажешь, так и будет.

На лице Тан Шоу появилась ослепительно вежливая улыбка:

— Не продаётся.

Он и не сомневался, что богатые семьи поступят именно так.

Цзинь Цзиньчэн не торопился — он заранее предвидел отказ, поэтому заговорил с ленцой, будто невзначай:

— Сюн-фулан, не спешите с отказом, подумай хорошенько. Взгляните сами: с нынешними условиями, в которых вы живёте, лучше бы сразу взять серебро. Вот этот ваш дом — тесный, со всех сторон дует, гостей толком пригласить некуда. С этой суммой вы могли бы купить большой дом в Юйлине, а зимой вам было бы куда теплее. А ещё открыть магазин, торговать маслом — глядишь, и жизнь наладится. Зачем же цепляться за этот рецепт и прозябать здесь в бедности? И потом... боюсь, этот рецепт — не то, что удастся сохранить лишь по желанию.

Ага, — угроза.

Глаза Тан Шоу сузились, он уже приоткрыл губы, чтобы ответить, но тут же у уха пронеслась острая, свистящая волна воздуха, и следом раздался страшный, леденящий душу крик. Стол перед Цзинь Цзиньчэном с треском разлетелся в щепки — тот даже не успел моргнуть. А перед ним, словно возникнув из воздуха, стоял Сюн Чжуаншань, в руке у него — огромный тесак, блеснувший от холодного света.

Холодным, как сам лёд, голосом он произнёс:

— Кого это ты собрался пугать?

Позади Цзинь Цзиньчэна охрана слаженно выхватила мечи, готовясь к бою. У юноши в глазах мелькнуло, уши уловили хаотичный звон — бряк-бряк-бряк!, — а когда он снова посмотрел вперёд, то застыл в изумлении: на полу валялась груда мечей, а у всех его телохранителей на поясе остались одни пустые ножны. Те стояли в боевых позах, вытянув руки... но без оружия, и

с такими лицами, будто сами не поняли, как это случилось.

Даже Тан Шоу, наблюдавший со стороны, был потрясён — прямо онемел. Сюн Чжуаншань, да ты что, скрытый мастер из легенд? Как иначе объяснить такую немыслимую скорость — и ведь бой даже не начался, как уже закончился!

Сюн Чжуаншань, который только что пылал от гнева и был готов размазать кого-нибудь по стенке, поймал на себе изумлённый, полный восхищения взгляд Тан Шоу — и весь вспыхнул внутренним удовлетворением. Под этим взглядом он вдруг успокоился: эти болваны перед ним уже не казались такими раздражающими. Может, даже стоит пожалеть и оставить им по одной жизни.

— Безобразие! — рявкнул один из охранников. — Мой господин — наследник столичной семьи Цзинь, главы Четырёх Великих Домов! Его старший брат — чиновник высшего ранга, второй чин по столичной лестнице!

Сюн Чжуаншань лишь слегка встряхнул своим огромным тесаком, и охранник невольно вздрогнул, в теле пробежала дрожь. Голос Сюн Чжуаншаня прозвучал, как лёд, крошащийся на ветру:

— И что с того? Здесь — дом семьи Сюн.

Сюн Чжуаншань и впрямь ни капли не испугался — и ни в поведении, ни во взгляде не было и намёка на трусость или подобострастие, так характерное для городских, привыкших при появлении власти поджимать хвост. Он стоял прямо и твёрдо, будто перед ним не чиновничья знать, а всего лишь очередной мешок с рисом.

Тан Шоу, испугавшись, что упрямый Сюн Чжуаншань сейчас и впрямь натворит бед, быстро вскочил, прижал ладонь к рукояти его ножа и потянул его назад, заслоняя собой. Он уже понял — перед ними вовсе не обычный купец, а человек с большим весом, имеющий за спиной могущественную семью в столице. Сделка может не состояться, ничего страшного, но вот если кто из них пострадает — дело может кончиться весьма плачевно.

— Мой муж слишком долго жил среди сражений, — примирительно заговорил Тан Шоу. — Уж такой у него нрав, вспыльчивый. А вам, господин Цзинь-эрлан, стоит говорить поосторожнее. Как-никак, не стоит превращать вполне нормальное торговое предложение в нечто, больше похожее на попытку запугать нас, простых деревенских жителей. С вашим-то положением — я уверен, вы не из тех, кто станет действовать подобным образом.

Лицо Цзинь Цзиньчэна то бледнело, то наливалось краской, но улыбку он так и не сумел выдавить. И вот, по какой-то причине, он не ушёл. Вместо того, чтобы хлопнуть дверью, неожиданно остался — будто ничего и не было — и заговорил совсем в другом тоне, сказав, что устал с дороги, хотел бы передохнуть ночь.

Стараясь сохранить добрые отношения, Тан Шоу не стал отказывать. Он и не боялся, что ночью те осмелятся на что-то: он-то уже понял, что даже если этих пятерых вместе связать, их и на половину Сюн Чжуаншаня не хватит.

Устроив Цзинь Цзиньчэна с его людьми, Тан Шоу тут же поспешил утащить мужа в свою комнату, прикрыв за собой дверь, приглушённым голосом, почти шёпотом, выдохнул, как уколом:

— Ты этот свой звериный нрав попридержи, понял? Эти люди — не безродные крестьяне с соседнего села, за каждую царапину на них ты потом не отделаешься лёгким испугом.

— Они угрожали тебе, — сказал Сюн Чжуаншань, глядя прямо. — Прямо у меня на глазах. Так — нельзя.

— Ты... — Тан Шоу прикусил язык, потому что в груди всё же вспыхнуло что-то тёплое, совсем чуть-чуть, едва заметно, но всё-таки — приятно. Однако лицо он сразу натянул строгое. — Всё равно нельзя. Эти люди — непростые. Если дойдёт до настоящей стычки, мы не сможем их переиграть.

— Смогу. Я не боюсь, — спокойно ответил Сюн Чжуаншань.

— Думаешь, дело только в драке? Важно не только кулаки иметь, но и поддержку, — раздражённо возразил Тан Шоу. — Ладно, ты, похоже, просто с ума сошёл, когда увидел, как они мне угрожают. Но в следующий раз так бездумно не поступай. Рецепт у нас в руках — мы просто его не продаём, и даже если они из столицы, никто не посмеет отобрать силой. Я вижу, они и сами пришли скорее испугать нас словами: если получится — выторгуют, если нет — не станут настаивать. Ведь, как ни крути, наш рецепт хоть и ценен, но не до степени уникального дара небес. Если есть время и желание — его можно воссоздать. Вопрос только, сколько уйдёт сил и лет. К тому же вещь это не на миллион — не настолько она дорога, чтобы ради неё устраивать шум, портить себе репутацию. Особенно когда у них старший брат — чиновник. Если поднимется скандал, его политические соперники тут же ухватятся за нас, чтобы ударить по нему. Ради такой мелочи? Не стоит.

Сюн Чжуаншань всё так же спокойно повторил:

— Не страшно. Семью Цзинь не нужно принимать в расчёт. Они ничего не могут нам сделать.

— Не не могут, а не станут, потому что невыгодно, — поправил его Тан Шоу. — Ладно, чего уж теперь. В любом случае, больше мне тут геройствовать не надо. Хотя... — он вдруг усмехнулся. — Впрочем, ты вовремя показал зубы — пусть не думают, что мы совсем мягкотелые, а то и впрямь начнут выдумывать, как нас прижать. Но, слушай, ты мне вот скажи: что это было за приём? Я даже моргнуть не успел, а ты уже все их мечи на пол посбрасывал. Ты что, скрытый мастер из каких-нибудь легенд? Может, и по воде бегать умеешь, или там по стенам прыгать?

— Фулан, да это всё в книжках выдуманно, — в голосе Сюн Чжуаншаня проскользнула едва заметная улыбка, которую он так и не сумел скрыть. — По воде бегать — невозможно. Я просто... в армии проходил особую подготовку.

— Особую подготовку? То есть ты был не обычным солдатом? — с интересом спросил Тан Шоу.

Улыбка на лице Сюн Чжуаншаня исчезла. О прошлом, особенно связанном с войной, он не любил говорить. Всё, что он сказал, было кратко и сдержанно:

— Сначала да, был обычным. Потом в одном сражении отличился, и генерал заметил, что у меня сила от природы большая. Потому и перевёл меня в особое подразделение, где проходил специальную подготовку. А те охранники, что с Цзинь-эрланом... ну, у них разве что приёмы для показухи. Хоть десять таких — всё без толку.

Он и не стал вдаваться в подробности — не потому, что не хотел хвастаться, а потому, что действительно боялся напугать Тан Шоу. Подразделение, в которое он попал позже, было особым, туда набирали отборных бойцов со всего государства. Подготовка у них была не просто тяжёлой — она доводила тело и разум до пределов человеческих возможностей. Такие солдаты шли в бой первыми, там, где опасность была выше всего, или же скрытно проникали в расположение врага, работая как разведчики и диверсанты.

Если сравнивать с понятиями из прошлого мира, откуда был Тан Шоу, эта армейская единица была аналогом современного спецназа.

А те, кого притащил с собой Цзинь Цзиньчэн... да это, по его меркам, и до обычных полицейских не дотягивало — максимум, уличные забияки или наёмные вышибалы. И когда такая шваль натывается на настоящего бойца... что сказать — мышь решила бодаться с тигром.

Весь вид Сюн Чжуаншаня сейчас будто кричал: «Я не хочу тыкать пальцем ни в кого конкретно... но вы, все — абсолютно все — слабенькие, жалкие цыплята. Цыплята!»

<http://bllate.org/book/13592/1205356>